

Фэн Цяньсюэ колебался, не зная, стоит ли говорить. На самом деле у него имелось множество оправданий: например, «я хотел проверить твои силы», или «мы знакомы меньше половины дня», или даже «твой наставник писал в письме, что ты смутьян и если тебя пару дней не поколотить, ты разнесешь весь дом, вот я и решил, что подобное здесь в порядке вещей». Однако, помня, что им еще долго предстоит жить бок о бок, он рассудил, что лучше пока его утешить.

И ответил:

— Потому что я не могу с ними справиться, а ты выглядишь очень сильным.

Се Жэнь фыркнул:

— Тогда с тебя выпивка.

— Хорошо, — согласился Фэн Цяньсюэ. — Жди, я сейчас схожу и куплю.

Он уже запомнил его вкусы: вино должно быть сладким, мягким и вкусным. Найдя в винной лавке самое дорогое, он принес его в постоянный двор. Но не успел подняться на второй этаж, как прямо с неба спустился юноша в темно-красном одеянии. Выглядел он чрезвычайно взволнованным, а его голос прозвучал невероятно громко:

— Ученик школы Дамин из города Юйян, Тань Шаньсяо, приветствует высшего бессмертного Цюньюя!

Взгляд Фэн Цяньсюэ мгновенно ожесточился:

— Заткнись!

Глаза Тань Шаньсяо горели восторгом. Не понимая, почему высший бессмертный велел ему замолчать, он все же послушно повиновался: сжав меч обеими руками, он отвесил глубокий поклон и долго не распрямлялся.

Фэн Цяньсюэ был в полном недоумении: «Ты вообще кто такой и откуда выскочил?»

Как на грех, в этот самый миг Се Жэнь, сочтя, что тот слишком долго копается, сам вывалился из комнаты на поиски вина и столкнулся с ними нос к носу.

Вокруг царила тишина.

Фэн Цяньсюэ подумал: «Ладно, поручение явно не для меня, лучше вернуться в бессмертную обитель Циньбай».

В эту ночь луна светила ярко, так что Тань Шаньсяо буквально весь сиял. Точнее говоря, сияла его темно-красная клановая одежда: ткань переливалась, словно проточная вода в мягком свете, а на плечах были вышиты темно-золотые заклинания для отпугивания зла — эта мантия явно превосходила по качеству наряды дневной толпы заклинателей.

Такому знатному человеку по всем правилам не следовало бы склоняться перед учеником академии Чанцэ. Однако Се Жэнь не слышал ошеломительного «высший бессмертный Цюньюй», а потому решил, что школа Дамин, должно быть, попала в беду и просит помощи у клана Фэн из города Иньюэ — так происходящее еще хоть как-то поддавалось логике.

Се Жэнь не испытывал интереса к чужим семейным делам. Забрав кувшин, он ушел к себе.

Грушевый нектар, который они пили днем, и без того был сладким, а принесенный Фэн Цяньсюэ напиток оказался еще слаще: алкоголя в нем почти не ощущалось, он походил скорее на фруктовый сироп, что продают на улицах. Ли Хуань и Мо Чи отказывались от подобного вина, пренебрежительно заявляя, что такая сладость годится лишь девочкам. Но Се Жэню было все равно: он с равным удовольствием грыз сладости и пил медовое вино, по-прежнему бесчинствовал где попало, переворачивая всю академию вверх дном, и нагоняев получал не меньше прежнего.

Он развязал наручи, взглянул на кровоточащий след от плети и недовольно опустил уголки губ. Учитель бьет все больно и больно, интересно, есть ли у соседа за стеной мазь от ран?

На столе полыхал огонек свечи, а в воздухе мерцал, то появляясь, то исчезая, шумоизоляционный барьер.

Щеки Тань Шаньсяо пылали, глаза горели, и от волнения он до сих пор с трудом подбирал слова.

Фэн Цяньсюэ так и не смог выудить из памяти хоть какие-то воспоминания об этом человеке. Он годами жил в глубинах бессмертной обители Цинъай, редко общался с великими орденами, а молодых господ из именитых семей видел единицы. Он искренне не мог вспомнить никого из школы Дамин города Юйян.

Заметив его замешательство, Тань Шаньсяо поспешно объяснил:

— Тогда, на северо-западе, когда свирепствовал засушливый демон ханьба, высший бессмертный Цюньюй вместе с молодым господином Ци с мечами в руках истребляли чудовищ. Я в то время возглавлял учеников нашего клана у выхода с горы Майшань и отвечал за прикрытие.

Тогда он был полон честолюбия и намеревался совершить подвиг на показ старшим. Однако, когда они наконец дождались спасающуюся бегством орду демонов, он даже не успел выхватить меч: окрестности внезапно пронизал лютый ледяной ветер, сочные зеленые травинки мгновенно покрылись инеем, и лето в мгновение ока сменилось зимой. Пока все дрожали от холода, небеса рассекла серебристо-белая ци меча, прорезая метель. Бессмертный в белоснежных одеждах держал в одной руке нефритовый меч, его широкие шелковые рукава вздымались на ветру. Тань Шаньсяо тогда полностью обомлел, и в его голове пронеслась лишь одна сумбурная строка: «Белоснежные запястья, точно сотканы из инея и снега».

Фэн Цяньсюэ нахмурился:

— Не помню, чтобы в окрестностях горы Майшань в засаде сидели помощники.

Тань Шаньсяо смутился:

— Это потому, что высший бессмертный уничтожил демона одним ударом и сразу же удалился.

Он умчался на мече по ветру. Как бы изо всех сил Тань Шаньсяо ни пытался догнать его, он успел лишь поймать ледяное лезвие, сбитое подолом одежд бессмертного, которое тут же глубоко рассекло ему ладонь.

Фэн Цяньсюэ:

— ...

Тань Шаньсяо продолжил:

— На этот раз, едва услышав описание от учеников моего клана, я сразу же догадался, кто это, и поспешил сюда.

Фэн Цяньсюэ подумал: «И до чего же человеку заняться нечем».

Тань Шаньсяо с осторожностью спросил:

— Высший бессмертный направляется в академию Чанцэ?

Фэн Цяньсюэ посмотрел ему прямо в глаза:

— Каков твой самый большой секрет?

Тань Шаньсяо:

— А?

Самый большой секрет.

Разум Тань Шаньсяо словно потянули за невидимую нить, и он против воли смутно заговорил:

— Еще пять лет назад я разбил папину треножницу Лоин! Потом сделал фальшивку и поставил на место, а он и не знает. На каждый Праздник середины осени до сих пор достает ее и хвалится! И ведь никто из дядей и старейшин, хваставшихся своим зорким глазом, так ничего и не заметил, ха-ха-ха-ха!

Воистину, глуповатый сынок из богатого семейства.

Фэн Цяньсюэ опустил взгляд:

— Хорошо.

Тань Шаньсяо пришел в себя, почувствовав головокружение, и невнятно пробормотал:

— О чем это я только что? Ах да, академия Чанцэ.

— Я отправляюсь в академию Чанцэ под чужим именем, чтобы расследовать одно давнее дело,

— Фэн Цяньсюэ налил чашку чая. — Если ты разболтаешь об этом...

— Ни за что, ни за что! — Тань Шаньсяо поднял руку в клятвенном жесте. — Высший бессмертный может быть спокоен, этот Тань будет немым как рыба!

Фэн Цяньсюэ сказал:

— В таком случае господин Тань может идти.

В глазах Тань Шаньсяо мелькнуло множество чувств. Ночь уже вступила в свои права; в порыве чувств он примчался в город Байхэ, не успев придумать уважительной причины, и настаивать на дальнейшем пребывании было бы верхом невежливости. Ему оставалось лишь откланяться. Правда, перед уходом он все же настойчиво оставил на столе деревянную связную птицу школы Дамин — вдруг бессмертному в какой-то момент понадобится помощник?

Се Жэнь стоял в конце галереи, обняв меч.

Фэн Цяньсюэ остановился у двери:

— Что-то случилось?

Се Жэнь ткнул пальцем в свое плечо:

— Хотел спросить, нет ли у тебя мази от ран.

Фэн Цяньсюэ отступил в сторону, впуская его, и достал из сундука снадобье:

— Закатай рукав.

— О, сам поможешь? — Се Жэнь отказываться не стал, развалился у стола и вытянул руку. — Полегче только.

Фэн Цяньсюэ обработал его следы от плети:

— Раз уж так боишься боли, зачем нарушаешь правила?

— Жить по правилам — смертная скука, — Се Жэнь уперся подбородком в столешницу и от нечего делать разглядывал его изящные белые пальцы. Но тут снаружи раздался шум и крики, да такие громкие, словно переполошился весь город.

— Пошли! — загорелся Се Жэнь. Схватив его за запястье, он побежал на самую крышу постоянного двора поглазеть на происходящее.

Под ярким лунным светом в воздухе плавно кружились многочисленные темно-красные светящиеся огни, отчего небеса окрасились в алые тона. Се Жэнь протянул руку, и огненный сгусток, опускаясь на ладонь, превратился в маленький парчовый мешочек.

Слуга из постоянного двора стоял во дворе. Улов у него, судя по всему, вышел богатым: он нагреб целую охапку мешочков и воодушевленно кричал:

— Это школа Дамин! Празднуют возвращение покоя в город Байхэ!

Се Жэнь бросил мешочек Фэн Цяньсюэ и ухмыльнулся:

— Грязную работу проделали мы с тобой, а они, вишь ты, подбросили монеток — и вернули себе славу.

В разных мешочках лежали разные вещи: чаще всего нефритовые монеты, но попадались и мелкие артефакты, и духовные снадобья. Открыв свой, Фэн Цяньсюэ увидел пузырек с кровоостанавливающим лекарством и протянул его обратно Се Жэню:

— Оставь себе.

У Се Жэня аж зубы заныли, он отшатнулся:

— Перестань меня сглаживать, а?

Губы Фэн Цяньсюэ чуть изогнулись.

Се Жэнь поглядел на него с удивлением:

— А я уж думал, ты и улыбаться-то не умеешь.

Фэн Цяньсюэ по его примеру поймал ладонью сгусток света:

— Со временем ты поймешь, что мне не чужды никакие человеческие чувства.

Ученики школы Дамин разбрасывали парчовые мешочки целый час, и ровно столько же шумел город.

Когда Фэн Цяньсюэ наконец лег отдыхать, снаружи уже брезжил рассвет. Се Жэнь же проспал до самого полудня. С сонными глазами он постучал в соседнюю дверь:

— Я собираюсь на улицу за вином. Пойдешь со мной?

Фэн Цяньсюэ кивнул:

— Пойду.

Как посмотреть, оба они не отличались особой дисциплинированностью и любовью к порядку. И высший бессмертный Цюньюй вовсе не был таким педантичным, строгим и хладнокровным, как думал почтенный учитель Чжу, считавший, будто один лишь его взгляд способен заморозить всю аудиторию до полного молчания.

<http://bllate.org/book/18374/1766267>